

В ЗАЩИТУ САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН²
(Перевод с английского С.С. Панкова)

On revient toujours
A ses premiers amours³

Едва ли отыщется в истории психоанализа научный, политический и личный конфликт, сопоставимый по масштабам с теми разногласиями, которые привели к расколу между титанами психоанализа Зигмундом Фрейдом (1856-1939 гг.) и Карлом Густавом Юнгом (1875-1961 гг.). Я уже затрагивал эту тему в статье (Lothane, 1989a), посвященной Паулю Шреберу, автору достопамятных «Мемуаров», а впоследствии в своей книге о нем (Lothane, 1992) бегло упомянул о том, какое отношение имела Сабина Шпильрейн к полемике по поводу способов интерпретации сочинения Шребера, которая развернулась между Фрейдом и Юнгом. Подробный анализ методологических и научных аспектов этой полемики я провел в статье, опубликованной в журнале «International Forum of Psychoanalysis» (Lothane, 1997a).

В предлагаемой статье мне хотелось бы вновь обратиться к переписке Фрейда и Юнга (1906-1914 гг.), а также к другим материалам, позволяющим получить представление о биографии Сабины Шпильрейн, первой пациентки Юнга, которая впоследствии стала его любовницей и одной из первых женщин-аналитиков, вступивших в Венское психоаналитическое общество. Кроме того, необходимо оградить Шпильрейн от несправедливых обвинений Джона Керра, утверждающего в своей последней книге, что Шпильрейн, будучи любовницей Юнга, «оказалась в эпицентре шквала взаимных подозрений, которые привели к разрыву с Фрейдом» (Kerr, 1993, p. 13). К тому же я могу доказать, что диагноз «шизофрения», поставленный Шпильрейн итальянским юнгианцем Альдо Каротенуто, первым издателем ее дневника и писем, которыми обменивались Шпильрейн, Фрейд и Юнг, является ошибочным и служит лишь для оправдания Юнга. Впрочем, виновен ли Юнг?

Новыми сведениями об этой истории я обязан швейцарцу Бернарду Миндеру, который впервые опубликовал медицинскую карту Шпильрейн, составленную Юнгом в период ее пребывания в знаменитой клинике для душевнобольных Бургхольцли. Мне хотелось бы выразить признательность администрации клиники Бургхольцли, племяннице Сабины Шпильрейн Менихе Исааковне Шпильрейн, проживающей в Москве, и русскому философу В.И. Овчаренко, которые разрешили воспользоваться их материалами о Сабине Шпильрейн, чья личность привлекает в последнее время внимание многих авторов (5). Попытаемся восстановить ход событий, в результате которых Сабина Шпильрейн стала пациенткой и любовницей Юнга.

В клинике Бургхольцли: врач и его пациентка.

По окончании медицинского училища в 1900 году двадцатипятилетний Юнг поступил на службу в возглавляемую выдающимся психиатром Ойгеном Блейлером государственную кантональную клинику Бургхольцли в Цюрихе, специальное медицинское учреждение для лечения пациентов, страдавших острой и хронической шизофренией, а также иными психозами.

¹ **Lothane Zvi (Henry)** – известный американский психоаналитик и историк психоаналитического движения, доктор медицины, профессор Медицинской Школы при Нью-Йоркском Университете, член Международной психоаналитической ассоциации и Американской Академии Психоанализа.

² Статья перепечана в сб. «**Сабина Николаевна Шпильрейн: над временем и судьбой**» (Ростов-на-Дону: «Мини-Тайп», 2004) из «Вестника Психоанализа» (Санкт-Петербург, №2, 2000, с. 22 – 44) с согласия автора и главного редактора журнала – профессора М.М.Решетникова (ред.)

³ «Первая любовь долго помнится» (фр.) – куплет из комической оперы Николо Изуара «Жоконд, или Искатели приключений» (1814). – *Прим. переводчика.*

Состоятельных людей и истериков среди пациентов было совсем немного. Начиная с 1901 года Юнг стал живо интересоваться статьями и книгами Фрейда, поэтому наверняка прочитал его работы, посвященные нейропсихотической защитной реакции, в частности «Исследования истерии» и «Толкование сновидений». Позднее он ознакомился и с «Тремя очерками по теории сексуальности». Будучи представителем зарождающейся цюрихской школы психоанализа, он в числе первых реализовал идеи Фрейда при лечении пациентов, страдавших психозами. Он не обладал богатым опытом лечения истериков, так что «образчиком» истерического расстройства стала для него Сабина Шпильрейн, госпитализированная 17 августа 1904 года и выписанная из клиники 1 июня 1905 года. В медицинскую карту Сабины Шпильрейн вложена копия ранее не публиковавшегося отчета, составленного Юнгом в форме письма на специальном бланке клиники Бургхольцли, спустя четыре месяца после ее выписки. Сабина хранила отчет у себя (Carotenuto, 1980: 101), и это обстоятельство навело Каротенуто на ошибочное предположение, будто она считала, что данное письмо относится к материалам опубликованной переписки Фрейда и Юнга (Carotenuto, 1980: 224, примечание 6). Ниже приводится этот отчет без сокращений:

«25.09.1905. Отчет о состоянии фройляйн Шпильрейн профессору Фрейду из Вены, предоставленный фройляйн Шпильрейн для использования на ее усмотрение.

Дорогой профессор Фрейд, дочь фрау Шпильрейн, фройляйн Сабина Шпильрейн, студентка медицинского факультета, страдает истерией. Пациентка имеет серьезный наследственный порок, ее отец и мать были истериками, в особенности таковой была мать. Брат пациентки с юных лет страдает истерией в тяжелой форме. В настоящее время пациентке 20 лет, ее болезнь отчетливо проявилась на протяжении последних трех лет. Тем не менее, патогенные эпизоды и переживания, разумеется, относятся к ранней поре ее жизни. Я тщательно проанализировал ее состояние с помощью Вашего метода и вскоре добился обнадеживающих результатов. По существу, анализ показал следующее.

С четырехлетнего до семилетнего возраста отец в наказание порол пациентку по ягодцам, что, увы, привело к преждевременному появлению довольно стойких ныне сексуальных чувств. Раннее пробуждение сексуальности выражалось в том, что пациентка занималась мастурбацией, стискивая бедра. Акту мастурбации всегда предшествовала порка. Однако со временем порка утратила значение непереносимого условия сексуального возбуждения; теперь для этого было достаточно обычной угрозы или даже намек на грубость, например строгого выговора, угрожающих жестов и т. п. В конце концов, она стала испытывать сексуальное возбуждение при виде отцовских рук; ей невыносимо было наблюдать за ним во время трапезы, поскольку она не могла отделаться от мысли о дефекации, ударах по ягодцам и т.д. В сферу этих чувств был вовлечен и младший брат, который тоже с ранних лет занимался мастурбацией. Малейшая угроза наказания младшего брата возбуждала пациентку и всякий раз, когда она становилась свидетельницей порки мальчика, ее тянуло заняться мастурбацией. Со временем ее стало возбуждать агрессивное поведение окружающих, например их приказания и требования. В уединении ее преследовали неотвязные мысли, она воображала всевозможные пытки, которые являлись ей во сне. К примеру, ей не раз снилось, что она обедает, сидя на ночном горшке, и тут же опорожняется, а вокруг нее теснится толпа зевак; в другой раз ей приснилось, что ее сечет плетью толпа черни и т.д. В связи с этим жизнь в отчем доме стала невыносимой, и спустя год после того как она учинила множество скандалов, ее отправили на лечение в Швейцарию, в частную клинику доктора Хеллера в Интерлакене, где лечащий врач оказался неготовым к ее дьявольским переменам настроения и манипуляциям. Она доводила всех до отчаяния. Вероятно, персонал частной клиники так и не сумел с ней совладать, и ее перевели в нашу лечебницу. Поначалу она продолжала и здесь изводить санитаров. Но благодаря анализу, ее состояние заметно улучшилось, и оказалось, что она — весьма интеллигентный и талантливый человек, способный на самые тонкие чувства. Впрочем, она проявляла известную неосмотрительность и пристрастность, совершенно не понимая, как подобает себя вести в соответствии с правилами хорошего тона, что, несомненно, следует отнести на счет ее русского характера. Состояние ее настолько улучшилось, что прошлым

летом она смогла продолжить свои занятия. Встречи с родными по-прежнему причиняют ей боль, но ее мать отказывается это понимать, хотя причиной тому стало все вышеописанное. (Кстати, фрау Шпильрейн известно многое о комплексе ее дочери.)

В ходе лечения пациентку угораздило влюбиться в меня. Она постоянно потчует мать ужасными небылицами об этой любви, и отнюдь не последним поводом к тому является тайное злорадство, которое она испытывает, запугивая мать. Поэтому ее мать готова в случае необходимости передать ее на попечение другого врача, с чем я, естественно, согласен» (Minder, 1994: 121-122; курсив мой – Ц.Л.). Фрейд так и не получил этот отчет, напоминающий сжатую характеристику состояния Сабины Шпильрейн, подтвержденную записями в больничной карте. Примечательны фразы Юнга, касающиеся психосексуальной травмы, неоднократно перенесенной Сабиной в детстве из-за того, что отец имел обыкновение шлепать ее по ягодицам, и связи между этой травмой и преждевременным пробуждением сексуальности, склонностью к мастурбации и садомазохистским фантазиям.

К тому времени, когда Сабину выписали из клиники, Юнгу исполнилось тридцать лет. Уже два года он был женат на Эмме Раушенбах, дочери богатого швейцарского промышленника, и проживал вместе с женой и годовалой дочерью Агатли на территории клиники Бургхольцли. Его пациентка – девушка русско-еврейского происхождения – была на десять лет младше Юнга и родилась в Ростове-на-Дону. По воспоминаниям другого еврейского эмигранта, поселившегося в Швейцарии и ставшего впоследствии первым президентом Израиля, этот город на «юге России является вратами Кавказа; тамошняя еврейская община была немногочисленной и к тому же в полной мере испытывала на себе то бесправие, которое калечило жизнь евреев, не выбиравшихся за черту оседлости [за пределы территории, отведенной царем для проживания евреев]... места было больше [чем в пределах своеобразного еврейского гетто, известного как «черта оседлости»], а прав еще меньше» (Weitzmann, 1949: 1). Семья Сабины наверняка принадлежала к «классу так называемых купцов гильдии, которые имели особые привилегии... и следовательно могли вести более достойную жизнь» (Weitzmann, 1949: 71), ведь ее отец был купцом, а мать – стоматологом.

На страницах дневника Сабины Шпильрейн запечатлены ее воспоминания о семье: «С трех-четырёх лет я прекрасно помню своего прадеда – благодушного мужчину в черном. Еще более сильное впечатление произвело на меня то, что я услышала о нем: он был весьма уважаемым раввином в Екатеринославле. Когда он шел по улицам нашего города, его сопровождала толпа. Ходило много слухов об его пророческом даре... Мой дед еще жив. Он одряхлел, но сохранил веселый и нежный нрав... Примечательно, что мой отец отзывается с уважением о дедушке, признавая, что кое в чем тот неподражаем... К тому же он был хорош собой. Его избранницей стала дочь одного врача... который слыл неверующим, и мой прадед никогда бы с этим не смирился... пришлось ему отказаться от этой мечты и жениться на девушке, которую выбрал для него отец... Должно быть, мой дед хранил в душе образ своей первой возлюбленной, ибо постижение христианской науки ставил превыше всего... Его дочери нужно было учиться, и только; помогать по хозяйству ее не заставляли. Несмотря на риск, которому он себя подвергал, будучи лицом духовного звания, он определил дочь в христианскую начальную гимназию... и одобрил ее поступление в университет. Моя любознательная мать, которой легко давалась наука, была его величайшей гордостью. Как же проявился этот комплекс у моей матери?... Моя мать очень боялась, что может влюбиться в христианина или стать возлюбленной христианина... Некому мужчине... христианину, уважаемому в Петербурге человеку, она сказала... что никогда не выйдет за него замуж, поскольку это могло бы убить родителей; на следующий день он застрелился. На протяжении долгого времени моя мать отказывала моему отцу... которого сосватал ей мой дед... моя мать так и не обрела покой в любви к мужу. И вот появилось третье поколение... Думаю, мой дед был самым счастливым человеком на свете, когда я объявила о своем решении изучать медицину» (Carotenuto, 1980: 21-23)».

Эти конфликты между отцами и детьми, связанные с проблемой совмещения ортодоксального иудаизма и тяги к светской жизни, оставили неизгладимый отпечаток на личности

Сабины Шпильрейн, предопределив ее страсть к феминизму и христианину Юнгу. История ее матери была еще более запутанной: «В молодости моя мать кого-то полюбила. Любовь ее была взаимной. Они были помолвлены... в разлуке обменивались страстными письмами. Но... им пришлось расстаться. Воспротивились родственники. Моей матери казалось, что жизнь ее разрушена... В ту пору она и повстречала моего отца, который вскоре посватался к ней. Его прекрасные манеры, настойчивость и благородство, нежность, с которой он относился к ней, — все это произвело впечатление на мою мать. Однако она не любила его... Они поженились. Трудно вообразить двух более разных людей» (Carotenuto, 1980: 7).

Таким образом, можно получить представление о разнообразных нормальных и невротических аспектах идентификации Сабины со своими родителями. Отражением этой идентификации стал ее недуг, который, по ее словам, впервые дал о себе знать «в седьмом классе, после смерти моей младшей сестры, искавшей спасения в одиночестве» (Carotenuto, 1980: 24). Психосексуальная идентичность Сабины Шпильрейн сложилась под влиянием юношеских увлечений, которые она описывает в своем дневнике, демонстрируя замечательную проницательность:

«До тринадцати лет я была очень набожной. Вопреки многим противоречиям, которые не ускользали от моего взгляда, и несмотря на насмешки моего отца, я не отказывалась от веры в Бога. Я не могла предать Бога. Но из этого ничего не вышло. У меня появился «ангел-хранитель»... в пятом классе гимназии. Учитель истории. Христианин... Он сразу произвел на меня глубокое впечатление. На первом же уроке меня поразило его ум, покорило мятежность и печаль в его темных глазах. Именно оттого, что я старалась сохранять особую серьезность в его присутствии, мне не удавалось совладать с собой, и я раздражалась судорожным смехом при виде его странных ужимок... Потом... я увлеклась этим мужчиной, который раскрыл мне доселе неизвестную область чувств, чьи пределы стремительно расширялись. Я мечтала чем-нибудь пожертвовать ради него, пострадать за него. Моя подруга, еврейка, тоже души не чаяла в этом учителе. Ее тоже восхищало его ум. Мы вместе читали книги по истории и культурологии... и он поставил нам самый высокий балл — 5... потом я к нему охладела... После моего отъезда он нашел себе наперсницу в лице моей матери. Должно быть, он тоже полюбил ее, и когда она уехала в Париж, он выбросился из окна, желая покончить с собой. Ему поставили диагноз *dementia praecox*. Я разрывалась между ним и дядей Адольфом, о котором я уже упоминала, — это был прекрасный пример переноса образа отца. По уму он не мог сравниться с учителем, но обладал отцовской настойчивостью и несомненными артистическими способностями... В конце концов, дядя тоже влюбился в мою мать... Впоследствии, когда меня отправили в Варшаву, его место занял мой нынешний друг [т.е. Юнг], который оказал на меня куда большее влияние, чем кто бы то ни было» (Carotenuto, 1980: 25-26).

Во врачебных заметках Юнга можно обнаружить дополнительные подробности. Отец Сабины Шпильрейн, человек раздражительный и нервный, изводил домашних своими причудами. Дочери нередко доставалось от него. Когда ему противоречили, или обстоятельства были против него, он запирался в спальне или грозился наложить на себя руки. Отношение Сабины к отцу было сложным и противоречивым. Судя по описанию, мать ее была истеричной и тщеславной особой, которая позволяла себе тратить уйму денег на наряды и украшения. Мать воспитывала Сабину в религиозном духе, научила ее читать молитвы и привила ей веру в Бога, ангелов и божественную кару за грехи. Она тоже частенько была дочь, которая не раз становилась свидетельницей перебранок и скандалов между родителями.

Сабина была старше своей рано умершей сестры и трех братьев и производила впечатление не по годам развитого ребенка, поэтому ее отправили на пять лет в Варшаву в начальную школу, устроенную по образцу Фрёбеля, где она выучила немецкий и французский языки. В возрасте 7-8 лет Сабина «стала беседовать с неким духом». «Ей казалось, что внутренний голос, который не изрекал внятные слова, но производил нежные модуляции, принадлежит Богу. Порой внутренний голос обращался к ней на немецком языке... Мало-помалу она пришла к выводу, что внутренний голос принадлежит не Богу, а ангелу, которого Бог послал к ней, ибо она необычный человек. Со временем она уверилась в том, что этот ангел

оберегает и защищает ее. Поначалу он обращался к ней на немецком языке, затем перешел на русский. Нередко ей казалось, что она постигает значение слов прежде, чем слышит их» (Minder, 1994: 64). То были грезы и фантазии на диво мечтательной души, доходящие до экзальтации, идеализма и мировой скорби немецкого толка (Weltschmerz); с психиатрической точки зрения, подобные фантазии можно с натяжкой расценить как проявление истеричности, но их никак не назовешь психотическими галлюцинациями или бредом.

Вернувшись к родителям в Ростов, она поступила в гимназию, где изучала греческий и латынь, занималась музицированием на пианино и пением. Кроме того, она «намеревалась брать уроки древнееврейского, дабы читать Библию в оригинале» (Carotenuto, 1980). Однако главной ее страстью была медицина. Она с честью выдержала выпускные экзамены в гимназии, а спустя год обстановка в доме настолько накалилась, что ее отправили на лечение в Швейцарию. Покинув санаторий Хеллера, она не смогла попасть в частную клинику Монакова. После скандала, учиненного в отеле «Баур Анвиль», д-р Б. провел медицинское освидетельствование Сабины, поставил ей диагноз – шизофрения, и она стала пациенткой клиники Бургхольцли. Сабина лечилась за свой счет, ее лечение обходилось в 1250 швейцарских франков за триместр.

Во врачебных заметках Юнга встречаются упоминания о вызывающих выходках непокорной пациентки, которая враждебно относилась к персоналу, самому Юнгу, его попыткам «проанализировать» ее комплексы, склонность к перепадам настроения, истерические припадки, боли в ногах и т. д. Но в этих записях нет ни одного упоминания о галлюцинациях, бредовых состояниях и иных симптомах, характерных для шизофренического расстройства мышления или речи.

Сабина стала первой пациенткой, страдавшей истерией, которую Юнг лечил с помощью психоаналитического метода Фрейда и добился поразительных успехов. Этот метод был подробно описан Брейером и Фрейдом в «Предупреждении», увидевшем свет в 1893 году, а также в их эпохальном труде «Исследования истерии», который был издан в 1895 году и аттестован в опубликованной на страницах «Мюнхенского медицинского еженедельника» рецензии Блейлера, руководившего работой Юнга «как одна из важнейших прошлогодних публикаций на тему нормальной психологии и психопатологии» (Minder, 1994: 55). Метод, позаимствованный Юнгом у Фрейда, сводился к определению посредством толкования взаимосвязей между текущими симптомами, комплексами, сновидениями и грезами с мазохистским оттенком, способами мастурбации, «выраженными тиками, гримасами и защитными жестами» (Minder, 1994: 68) и травмами, перенесенными в детстве, в частности телесными наказаниями, которым подвергал ее отец и которые приобрели для пациентки эротическое значение. «Строго говоря, именно к этому комплексу можно свести все характерные жесты и негативизм», – отмечает Юнг в больничной карте (Minder, 1994: 68). Впрочем, подробно рассматривая сексуальные аспекты данного случая, Юнг упускает из вида не менее важное для патогенеза обстоятельство: связь симптомов с агрессией и озлобленностью, которые выражаются в грубых выходках, а также возможность их устранения с помощью абреакции, то есть метода Брейера и Фрейда, основанного на катарсисе и позволяющего пациенту «выплакаться» и «излить свой гнев» (Freud, 1895: 8). Юнгу удалось вылечить пациентку благодаря сочувствию, настойчивости и решительности.

Примечательно, что Юнг, судя по документам, представленным Миндером, спешит сообщить Фрейду, что Сабина влюбилась в него, и шлет предупреждение ее матери. Заявляя, что Сабину «угораздило влюбиться» в него, Юнг идет по стопам Фрейда и расценивает эту любовь как перенос. К тому времени данный феномен уже был описан Фрейдом в терапевтическом разделе «Исследований истерии». Иными словами, Юнг исподволь снимает с себя всякую вину, не проронив ни слова о реальных обстоятельствах этой любви, выходящих за рамки переноса, равно как и о том, что пациентка его очень привлекает.

Незадолго до выписки из клиники Бургхольцли Блейлер вручил Сабине медицинское свидетельство, удостоверяющее, что ее лечили от «нервического расстройства с истерическими симптомами» (Minder, 1994: 119), и содержащее рекомендацию, необходимую для зачисления в

Цюрихский университет в течение летнего семестра и обучения на медицинском факультете. Кроме того, Блейлер и Юнг адресовали отцу Сабины письмо с просьбой избавить дочь от необходимости тесного общения с родными, в частности от переписки с отцом и участия в судьбе младшего брата, который хотел учиться в Цюрихе. Согласно свидетельству о выписке Сабины из клиники, датированному 1 июля 1905 года, она переехала в Цюрих и, судя по счетам, которые регулярно высылал ей Блейлер, вплоть до декабря 1909 года весьма часто встречалась с Юнгом, продолжая амбулаторное лечение в клинике Бургхольцли.

Лечение любовью.

23 октября 1906 года, спустя год после того, как Сабину выписали из клиники, Юнг отправляет второе письмо Фрейду, в котором впервые упоминает о лечении Сабины Шпильрейн без единой ссылки на прежний отчет:

«Дорогой профессор Фрейд, рискуя показаться надоедливым, я хотел бы рассказать Вам о недавнем случае. В настоящее время я занимаюсь лечением одной истерички с помощью вашего метода. Сложный случай. Двадцатилетняя русская студентка, заболевшая шесть лет назад. Первая травма получена в период с трехлетнего до шестилетнего возраста. Она видела, как отец шлепал ее старшего брата по обнаженным ягодицам. Это произвело на нее глубокое впечатление. После этого ее неотвязно преследовали мысли о том, что она опорожняется прямо на руку отца. С четырехлетнего до семилетнего возраста ее непреодолимо тянуло опорожниться на собственную ногу следующим образом: она сидела на полу, подогнув одну ногу под себя, и со всей силы напрягала анус, одновременно пытаясь опорожниться и сдержаться. Таким образом она нередко препятствовала дефекации в течение двух недель! Сама она не понимает, что подтолкнуло ее к столь причудливому поведению; по ее словам, это происходило совершенно инстинктивно и было приятно до дрожи. Впоследствии эта причуда сменилась энергичной мастурбацией. Я буду Вам очень признателен, если вы вкратце поделитесь со мной своими соображениями по поводу этой истории» (Переписка Фрейда и Юнга: 7). Однако к тому времени пациентке уже исполнился двадцать один год. Юнг не просто сообщил устаревшую информацию, но и не упомянул о щекотливых подробностях, указанных в предыдущем отчете, в частности об особенностях переноса и контрпереноса, которые не оставили его равнодушным. Ответ Фрейда отличался сдержанностью. Ссылаясь на динамические аспекты, описанные им в 1905 году в «Трех очерках по теории сексуальности», он ограничился советом «обратить внимание на то, что явно указывает на влияние сексуальности... и анального эротизма». Спустя два года эти идеи легли в основу его известной статьи (Freud, 1908). Фрейд остался глух к ярким эмоциональным обертонам.

Спустя год Юнг как фрейдист-неофит отстаивал теорию сексуальности Фрейда, выступая с докладом на первом Международном психиатрическом и неврологическом конгрессе, организованном в 1907 году в Амстердаме. В своем докладе он упомянул о случае «психотической истерии» (Jung, 1908: 20), который имел непосредственное отношение к Сабине Шпильрейн, хотя выбранное лектором определение было в равной степени запоздалым и ошибочным. Юнг произвольно назвал «психотическим» патологическое поведение пациентки, ссылаясь на то, что «к восемнадцатилетнему возрасту ее состояние ухудшилось до такой степени, что она то впадала в глубокую депрессию, то сотрясалась в приступах смеха, рыдала или заливалась гомерическим хохотом. Она не могла видеть чужие лица и не поднимала головы, а когда кто-нибудь дотрагивался до нее, тотчас высовывала язык, всем своим видом выражая отвращение» (Jung, 1908: 21). Впрочем, определение «психотический», противоречащее записям самого Юнга в больничной карте и диагнозу, указанному в медицинском свидетельстве, выданном Сабине Шпильрейн Блейлером, указывает скорее на степень выраженности расстройства, чем на его форму или содержание. Это определение оставалось в силе только в пору госпитализации Сабины, но не соответствует наблюдениям Юнга в период между 1905 и 1907 гг. Учитывая личные свойства Сабины, ее чувствительность, анамнез и общую картину болезни, характер и довольно незначительный срок стационарного лечения, а также результаты терапии и ее последствия, следует признать несостоятельным

любое утверждение о том, что она страдала психотическим расстройством, не говоря уже о шизофрении.

Другой пионер психоанализа, Карл Абрахам, который работал вместе с Юнгом в клинике Бургхольцли и был знаком с пациенткой Шпильрейн, уверял, что она страдала истерией (Переписка Фрейда и Абрахама, 1907-1926 гг.). Но еще более примечательным является тот факт, что в 1907 году роман Юнга и Шпильрейн был в самом разгаре, о чем пойдет речь ниже. В этих обстоятельствах диагноз психотической истерии позволял Юнгу переложить бремя ответственности за случившееся на плечи Сабины Шпильрейн, то есть использовать в дискуссии с оппонентами именно тот прием, в злоупотреблении которым он обвинял Фрейда: уничтожить Сабину диагнозом. Поняв этот намек с полуслова, Каротенуто бросился на защиту Юнга. Даже не заглянув в больничную карту Сабины Шпильрейн и ссылаясь лишь на суждения, высказанные ею в статье «Разрушение как основа становления» (Переписка Фрейда и Юнга: 469), Каротенуто пытается уверить читателей в том, что, коль скоро «идея разрушения и апокалипсиса типична для шизофрении», – с помощью таких же ложных заявлений пытались опорочить и Шребера, – Шпильрейн *ipso facto* страдала шизофренией (Carotenuto, 1980: 144). На мой взгляд, Юнг и Каротенуто поставили пациентке скорее политический, чем медицинский диагноз.

Ни в письмах, ни в дневниках не удалось обнаружить записи, позволяющие точно определить, когда влечение, о котором Юнг упоминает в отчете, составленном в 1905 году, превратилось в любовную связь или «поэму», по словам Сабины. «Когда началась наша поэма, – пишет Сабина в дневнике по-немецки, хотя ее родным языком был русский, – у Юнга были две дочери (вторая дочь Грета родилась в 1906 году), и должен был родиться сын (Франц родился в 1908 году)». Следовательно, это произошло не ранее 1906 года и не позднее 1908 года. Сабина пишет о «близких эротических отношениях», которые воплотились «однажды во время нашего обычного рандеву» (Carotenuto, 1980: 97), что может означать встречу или свидание. Она не указывает время и место этой встречи, не называет ее терапевтическим сеансом и не упоминает о цели терапии.

Сейчас невозможно выяснить, кто из них явился инициатором близости, хотя, принимая во внимание внешнюю привлекательность Сабины и тогдашние нравы, можно смело предположить, что первый шаг совершил Юнг. Косвенным подтверждением тому служит похабный намек на Сабину Шпильрейн в письме Юнга от 6 июля 1907 года, адресованном Фрейду. Покончив с описанием фрау Ш., – дамы, страдавшей бесплодием и проявлявшей болезненную привязанность к отцу, памятуя о которой фрау Юнг, «знающая кое-что, сказала недавно: «Все, пора мне написать психотерапевтическое руководство для джентльменов», – Юнг продолжает: «Одна пациентка, страдающая истерией, призналась мне, что у нее не выходит из головы стихотворение Лермонтова. В этом стихотворении говорится о заключенном, преисполненном единственным желанием: совершить в один прекрасный день благороднейший поступок – даровать свободу какому-нибудь живому существу. Он открывает клетку и выпускает на волю свою любимую птичку... В ее снах эта птичка совместилась со мной. Она признала, что в действительности очень хочет иметь от меня ребенка, благодаря которому исполнились бы все ее чаяния. Для этого мне непременно пришлось бы первым делом «выпустить птичку». (Мы, швейцарцы, говорим: “Ну как, твоя птичка спела?” Милая цепочка, не правда ли? Вам попался на глаза порнографический рисунок Каульбаха: «Кто покупает идолов любви?» Крылатые фаллосы, похожие на петухов, выделывают всевозможные фокусы с девушками.)»

В просторечье немцы описывают действия, совершаемые во время полового акта, с помощью глагола «vogeln», восходящего к существительному «der Vogel» — «птица». По словам Набокова, стихотворение, которое целиком приводит Мак-Гир, принадлежит перу Пушкина, а не Лермонтова, и это обстоятельство, равно как и ассоциация с порнографическим рисунком Каульбаха, свидетельствует о том, что Юнг сам усмотрел в сюжете стихотворения эротический подтекст. Я не отрицаю эротические чувства Сабины, а лишь хочу показать, что мужчины всегда остаются мужчинами. И если Сабина воспринимала свое невинное

сексуальное увлечение как часть большой любви, то для Юнга оно оставалось всего лишь амурной шалостью, которая казалась мужчинам, приверженцам типичной для тогдашней Европы системы двойных стандартов, чуть ли не самим Богом дарованной привилегией.

В поисках оправдания Юнг обращается также к идее полигамии, о которой он был много наслышан от своего пациента, доктора медицины Отто Гросса (1877 – 1919 гг.), любителя наркотиков и сексуальных утех, по всей видимости, любого рода. Этот взбалмошный отпрыск доктора Ганса Гросса, небезызвестного в свое время специалиста по психиатрии, начал карьеру психиатром в австрийском городе Грац (Lothane, 1992: 368, 373). Он был одним из первых ревностных поборников фрейдовских идей, автором ныне забытых статей (Gross, 1902, 1904, 1907), в частности статьи на тему психоаналитического лечения, в которой он приводит цитаты из работы Шпильрейн, рассуждая о слиянии эротических и агрессивных импульсов. Остается лишь гадать: знала ли об этом Шпильрейн? Впоследствии Гросс прославился тем, что угодил в психиатрическую лечебницу стараниями собственного отца и был любовником Фриды фон Рихтхофен, которая затем вышла замуж за Д.Х. Лоуренса.

В 1908 году Гросс взял консультацию у Фрейда, который счел его слишком темпераментным пациентом и направил к Юнгу. Судя по переписке Фрейда и Юнга, этот *enfant terrible* доставил Юнгу немало неприятностей. Станным образом, имя его промелькнуло во время одного из любовных свиданий со Шпильрейн: «Юнг хотел показать мне, что мы совершенно чужие люди, а это унижительно... Я решила сыграть свою роль до конца... Глубоко подавленная, я сидела и ждала. Вот он приближается, сияя от удовольствия, и с чувством говорит мне о Гроссе, о великом озарении, которое он только что испытал [т. е. об идее полигамии]» (Carotenuto, 1980:17). Об этом озарении Юнг не позабыл до конца своей жизни. Впрочем, подобная идея не была новостью для Юнга, поскольку за два года до этого он следующим образом охарактеризовал Гросса в письме Фрейду: «Доктор Гросс сообщил мне, что решил покончить с переносом, превращая людей в распутников. По его словам, перенос на аналитика и связанная с ним фиксация на личности являются попросту символами моногамии и, следовательно, симптомами регрессии. Между тем, истинно здоровым является для невротика состояние безнравственное. Поэтому он сравнивает Вас с Ницше» (Переписка Фрейда и Юнга: 90). Этот призыв звучит искренно лишь в устах трех борцов с половой моралью: Юнга и Ницше, чьи отцы были священниками, а также Гросса, сына криминалиста. Что касается Фрейда, то он, понимая ханжескую сущность половой морали цивилизованного общества, предпочитал соблюдать приличия и никогда не вступал в сексуальные отношения со своими пациентами. Вполне вероятно, что Гросс проповедовал и гомосексуализм. По крайней мере, на это намекает Юнг: «Он отнимает просто уйму времени... это несомненный невроз навязчивого состояния... все искажения инфантильной идентификации носят гомосексуальный характер» (Переписка Фрейда и Юнга: 151). Быть может, речь идет о гомосексуальном контрпереносе со стороны Юнга? Ведь сам он признается: «Ничего более неприятного испытывать мне еще не приходилось, поскольку в Гроссе я обнаружил нечто, свойственное мне самому, и он часто бывает похожим на моего близнеца, хотя и по причине *dementia praecox*» (Переписка Фрейда и Юнга: 156). Этот убийственный диагноз тоже свидетельствует о наличии контрпереноса, и вызывает у меня точно такие же сомнения, какие вызывал в свое время у Фрейда, который полагал, что Гросс страдает лишь токсической паранойей (Переписка Фрейда и Юнга: 158). В конечном счете, Юнг решил, что «Гросс, несмотря на все тяготы постижения, принес [ему] много добра» (Переписка Фрейда и Юнга: 171). Контрперенос повлиял на отношения Юнга с двумя пациентами: «Подобно Гроссу, она бьется с отцом... Гросс и Шпильрейн — горький урок. Ни одному другому пациенту я не оказывал столько дружеского участия и ни один другой пациент не доставлял мне столько печали» (Переписка Фрейда и Юнга: 228-229). Похоже, Юнг нуждался одновременно в личном и контрольном анализе.

Сабина называет «поэмой» свою пылкую «первую любовь... [желание] жить с [Юнгом] или, по крайней мере, ради него, ради ребенка, которого хочу ему подарить» (Carotenuto, 1980: 12). Этот эвфемизм указывает на особую связь и духовное родство между влюбленными: «[Юнга] глубоко поражало сходство наших мыслей и чувств... “Я не одна из многих, а

единственная в своем роде... способная удивить его независимостью своего образа мыслей, во всем подобного его собственному... ибо у нас глубоко родственные души". По ее словам, то была «прекрасная и крепкая дружба» (Carotenuto, 1980: 20).

Отношения между Юнгом и Сабиной оставались безоблачными вплоть до лета 1909 года, когда ее мать стала получать анонимные письма, и все раскрылось. 30 мая 1909 года Сабина направила Фрейду письмо с просьбой о «короткой аудиенции» (Carotenuto, 1980: 91), которую Фрейд поначалу отклонил. Отвечая на письмо Юнга, Фрейд немедленно встал на сторону своего «дорогого друга» (сам «дорогой друг» в обращении к Фрейду всегда называл его «профессором»), выражая всенепременную готовность его «прикрыть»:

«Дорогой друг, (...) Я прикладываю другое письмо, которое мне доставили вместе с Вашим. Судьба! Кто она? Сплетница, пустомеля или параноик? Если Вы знакомы с автором письма или имеете обо всем этом какое-то представление, то будьте любезны – пришлите мне короткую телеграмму, а если ничего не знаете, то прошу Вас не беспокоиться. Если Вы мне не ответите, я буду знать, что Вам ничего об этом не известно» (Переписка Фрейда и Юнга: 226).

В ответном письме от 4 июня 1909 года Юнг возложил всю вину на Сабину и предстал в облике настоящего мачо, что не делает чести ни ему, ни Фрейду:

«Дорогой профессор Фрейд,

Сейчас я и не знаю, что еще можно добавить к сказанному: я уже писал Вам о Шпильрейн. Об этом случае я упоминал вкратце в своей достопамятной лекции в Амстердаме. Это был, так сказать, мой образцовый случай, поэтому я вспоминаю о ней с особой благодарностью и нежностью. Зная по опыту, что она тотчас заболит снова, если лишится моей поддержки, я продолжал общаться с ней на протяжении нескольких лет и считал это дружеское участие своим нравственным долгом, но когда понял, что дело приобретает нежелательный оборот, тотчас порвал с ней всякие отношения. Она, несомненно, хотела меня соблазнить, а я счел это неприемлемым. Теперь она хочет взять реванш. В последнее время она распространяет слухи, будто бы я собираюсь развестись с женой и жениться на какой-то студентке, от чего бросает в дрожь многих моих коллег. Не знаю, что еще она задумала. Полагаю, ничего хорошего, — если только Вы не согласитесь стать посредником. Я хотел бы подчеркнуть, что порвал с ней начисто... Я пытался устранить ее *gratis* [безответственность] (!), проявляя невероятное терпение, и даже злоупотреблял ради этого нашей дружбой. Естественно, вдобавок ко всему для такого механизма мне понадобился бы разводной ключ нестандартных размеров. Как я уже отмечал, мой первый визит в Вену произвел на меня сильные бессознательные впечатления... эта неотвязная страсть к одной еврейке... которая внезапно объявилась в другом облике, в облике моей пациентки» (Переписка Фрейда и Юнга: 228-229).

Утверждая, что Сабина могла снова заболеть, Юнг попросту хотел предстать в облике альтруиста, ведь он не мог знать об этом наверняка. Да и что это было: лечение или уловка? Очевидно, что Юнга привлекали еврейки, между тем как свои антисемитские настроения он до поры скрывал. По словам Сабины, Юнг утверждал, что влечение к еврейкам, в том числе к самой Сабине Шпильрейн, а также к его сотруднице и пациентке Эстер Аптекман (Переписка Фрейда и Юнга: 455; Carotenuto, 1980: 17), возникло под влиянием прежней влюбленности в первую дочь Фрейда, Матильду, которая родилась в 1887 году. Ее имя не раз упоминается в письмах Фрейда и Юнга. «Кто знает, что имел в виду [Юнг], когда говорил, что перенес свое либидо с фройляйн Фрейд на меня? — пишет Сабина Фрейду. — Возможно, ему казалось, что Ваша дочь никогда не отступит от высоких правил морали, и он впервые решился на близкие отношения только со мной».

Разумеется, перед нами абсурдное предположение, поскольку Юнг влюбился в Сабину прежде, чем познакомился с семьей Фрейда, наведавшись в марте 1907 года в Вену вместе с женой. «Возможно, я была ревнивой, но потом я ревновала его к фройляйн S. W.» (Carotenuto, 1980: 104). Автор намеренно темнит, ибо под инициалами S. W. скрывалась Хелен Прайсвик, медиум и кузина Юнга, с которой он проводил эксперименты, описанные впоследствии в его диссертации на тему «Психологии и патологии так называемых оккультных феноменов»,

опубликованной в 1902 году в Лейпциге Освальдом Мютце, издавшим спустя год мемуары Шребера и ознакомившим с ними Юнга. Сабина продолжает: «В ходе анализа выяснилось, что в прошлом доктор Юнг был влюблен в темноволосую девушку истерического нрава, которая всегда называла себя еврейкой, хотя в действительности таковой не была. Тогда Юнг еще не был женат. А теперь послушайте, профессор Фрейд, и признайтесь, разве это не любопытно: я и доктор Юнг прекрасно понимали друг друга. И вдруг он ужасно изменился, вручил мне свой дневник и с издевкой посоветовал мне открыть его наугад, коль скоро я такая мудрая и знаю, как обрести счастье. Я раскрыла—и вдруг, о чудо! То был пассаж, в котором говорилось о том, как однажды ночью Юнгу привиделась S.W. в белом одеянии... Образ этой девушки сохранился в его памяти и стал моим прообразом... Впоследствии он порой погружался в задумчивость, слушая меня, ибо ему казалось, что именно так обращалась к нему какая-то женщина. И всегда он вспоминал именно эту девушку! Теперь он все позабыл от страха; он явился к Фрейду в надежде на совет и поддержку. Он вспомнил, что некогда ему очень нравилась дочь Фрейда, и решил, что теперь, дабы угодить отцу, ничего не стоит объяснить все переносом влечения к Вашей дочери. Вы понимаете, профессор Фрейд, что мне совершенно безразлично, является ли его любовь ко мне переносом чувств к фройляйн S. W. или фройляйн Фрейд; последний перенос мне куда более по вкусу, ибо... мне было бы приятнее служить психосексуальной заменой такой важной особы, как дочь профессора Фрейда... и сверх того, разумеется, говорят, что Ваша дочь хороша собой, и это мне очень льстит, поскольку я сама никогда не осмелилась бы назвать себя хорошенькой. И все же я подозреваю, что в основе подобного толкования [т. е. толкования Юнга] лежит бессознательная гнусность. Почему?.. Я встретила профессора Фрейда собственной персоной. Он обнаружил определенные особенности характера, которые я тоже однажды заметила, поскольку они, будучи абсолютно подавленными, свойственны и мне, поэтому я и решила, что Юнг должен вызывать у Вас отвращение, и если он вызовет у Вас отвращение, то у меня тоже» (Carotenuto, 1980: 105-106; курсив — Шпильрейн). Сабине удалось заметить первые признаки откровенной неприязни Юнга к Фрейду. Как знать, быть может, судьба Фрейда и его последователей сложилась бы иначе, если бы тогда Фрейд внял предостережению Сабины, которая намекала, что в действительности Юнг вовсе не расположен к евреям.

К тому времени переписка между Юнгом и Фрейдом по поводу романа со Шпильрейн уже являла собой образчик оппортунизма. Юнг признавался, что имел сексуальную близость с Сабиной, и тут же утверждал обратное, между тем как Фрейд изо всех сил старался покровительствовать своему царственному наследнику и разом отпускал ему все грехи. Первым делом он по-отечески увещевал: «Такие переживания болезненны, но необходимы и почти неизбежны... И хотя сам я не попался на эту удочку, я не раз бывал в двух шагах от этого, и мне насилу удалось спастись... поскольку я был на десять лет старше Вас, когда взялся за психоанализ» (Переписка Фрейда и Юнга: 230; курсив – Фрейда). Впоследствии Фрейд гнусно обошелся с Сабиной: «Я... внушил [ей] мысль о более правдоподобном, эндopsихическом развитии событий» (Переписка Фрейда и Юнга: 235). Иными словами, попытался убедить ее в том, что она все выдумала, и мысль о любви к Юнгу и его ответном чувстве вызвана помешательством.

По просьбе Юнга, Фрейд отправил Сабине письмо в духе старца Жермона, смиренно умоляющего куртизанку Виолетту в «Травиате» Верди отпустить его сына. Он лицемерит, унижается и оправдывает Юнга.

«Уважаемый коллега,

доктор Юнг – мой друг и коллега; я полагаю, что хорошо знаю его и в другом качестве, и поэтому имею основания верить в то, что он не способен на легкомысленное и вульгарное поведение. Мне не по душе роль судьбы в его делах личного свойства... однако я не вправе забывать о древнем судебном законе, который гласит *audiatur et altera pars* [выслушаем и мнение другой стороны]. Не желаете же Вы, чтобы я поступил неразумно. Судя по Вашим письмам, Вы были близкими друзьями... а теперь перестали дружить. Возможно, эта дружба возникла благодаря врачебным консультациям, и, должно быть, его стремление помочь

человеку, пребывающему в душевном смятении, вызвало у Вас симпатию? Я склоняюсь к этой мысли, ибо знаю много похожих случаев. Но я понятия не имею – как и по чьей вине все закончилось печально, да и не хочу об этом судить. И если после вышесказанного я обращаюсь к Вам, то лишь затем, чтобы убедить Вас задуматься: не лучше ли Вам самой сдерживать или искоренить в душе чувства, пережившие эти близкие отношения, избегнув вмешательства третьей стороны. Если эти замечания покажутся Вам неуместными, то прошу Вас не толковать их превратно» (Carotenuto, 1980:114).

Как и следовало ожидать, проницательная Сабина сразу заметила уловку Фрейда: «Неужто Вы тоже скрываете грешки, профессор Фрейд... Даже великий “Фрейд” не всегда может превозмочь собственные слабости» (Carotenuto, 1980: 104). Сабина пытается доказать свою правоту в проникновенных, разоблачительных и трогательных посланиях Фрейду, написанных в период между 10 и 20 июня 1909 года, когда она была интерном в клинике Бургхольцли. Она утверждает, что не является «бысстыдницей, жаждущей славы» (Carotenuto, 1980: 91), и поясняет:

«Дорогой профессор Фрейд,

(...) Я мечтаю расстаться с ним, сохранив любовь. Я имею опыт анализа, достаточно хорошо знаю себя и уверена в том, что мне будет лучше любить а distance. Сдерживать свои чувства я не могу, поскольку, отказавшись от любви к Юнгу, я вообще утрачу способность любить... Профессор Фрейд, я далека от того, чтобы обвинять Юнга, опережая Вас! Как раз напротив: я буду счастлива, если кому-нибудь удастся доказать мне, что он достоин любви, что он не подлец» (Carotenuto, 1980: 92). «Что ж, жалобы на вероломного любовника не помогут... Четыре с половиной года назад доктор Юнг был моим врачом, потом стал моим другом и, наконец, моим «поэтом», т. е. возлюбленным. В конце концов, он пришел ко мне, и случилось то, что всегда случается с «поэтами». Он проповедовал идею полигамии, он уверял, что его жена не будет возражать и т. д. И вот моя мать получает анонимное письмо, в котором сказано без обиняков, что ей пора спасать свою дочь, иначе ее погубит доктор Юнг... Я хранила молчание... Есть основания подозревать его жену... Моя мать послала ему трогательное письмо... умоляла его не заходить в отношениях дальше дружбы. Он ей ответил: «Будучи ее врачом, я могу стать ее другом, если перестану игнорировать собственные чувства. Я мог бы с легкостью отказаться от роли врача, поскольку в профессиональном смысле не ощущаю себя должником, ведь я никогда не требовал вознаграждения... Поэтому предлагаю: если вы твердо решили отвести мне роль врача, вам следует оплачивать мои услуги, дабы должным образом компенсировать мои хлопоты... Я беру 10 франков за консультацию. Советую вам остановить свой выбор на этом прозаическом решении, поскольку оно представляется наиболее благоразумным и необременительным для будущего»... Каким ужасным оскорблением должно было показаться это моей матери» (Carotenuto, 1980: 93–94).

Автором анонимного письма могла быть фрау Юнг, которая узнала от мужа всю подноготную этой истории. Получив письмо, мать Сабина взялась за дело. Прежде всего она потребовала объяснений от Юнга, угрожая обратиться с жалобой к Блейлеру. И если Сабина в разгар романа поступала честно и принципиально, то Юнгу даже явное смущение не мешало действовать осмотрительно и расчетливо. Примечательно, что Сабина, равно как и Юнг, полагала, что лечение было прекращено четыре с половиной года назад, и считала себя бывшей пациенткой, подругой и возлюбленной, заинтересованной в сохранении существующих отношений. Опасаясь публичного скандала, Юнг предстал в жалком виде перед любовницей, но в обращении с ее матерью сохранил остатки корректности.

Сабину переполняли противоречивые чувства, ибо любовь могла посоперничать с уязвленной гордостью, которую она называла «амбициями». Она принесла в жертву Юнгу свою «девическую честь», а тот наградил ее «презрением», хотя она «любила его четыре года, пять лет... поскольку к началу лечения я была всего лишь наивным ребенком» (Carotenuto, 1980: 93). И без того запутанное дело осложняло то обстоятельство, что Юнг временами проявлял нежность. «Вы только вообразите, профессор Фрейд, – писала Сабина, – он отдал мне всю свою

душу! Вручая мне свой дневник, он произнес срывающимся голосом: это читала только моя жена... и Вы!» (Carotenuto, 1980: 99 – 199). Вместе с тем она понимала, что не является единственной жертвой. «Доктор Юнг не отшельник, он встречается со многими другими женщинами, помимо меня», – писала Сабина (Carotenuto, 1980: 100). «Недавно до меня дошел слух о трагедии, что приключилась с [другой] пациенткой, которой он поначалу увлекся и которую затем неожиданно оттолкнул от себя; ходят слухи и о других «похождениях» такого рода» (Carotenuto, 1980: 96). «Будучи пациенткой, я не раз предостерегала [Юнга] от слишком тщательного анализа, опасаясь появления чудовища, ибо мои сознательные желания были сверх меры неодолимыми и настоятельными. Сколько раз я умоляла его не искушать мои «амбиции», иначе нечто подобное неминуемо обнаружилось бы и в нем самом. В конце концов, произошло неизбежное... Моя любовь к нему была сильнее нашего влечения, пока он не выдержал и не пожелал «поэмы». По многим причинам я не могла и не хотела противиться... А теперь он утверждает, что был слишком добр ко мне, поэтому я и стремилась к физической близости с ним, а он, конечно, ни о чем подобном и не помышлял» (Carotenuto, 1980: 96).

Временами Сабину охватывала смертельная ярость и однажды она «оказалась там с ножом в левой руке, не имея ни малейшего понятия — на что он мне; он схватил меня за руку, я стала сопротивляться, не зная, что за этим последует. Вдруг он побледнел и прижал руку к виску: вы задели меня!» В действительности, Юнг просто получил пощечину. По пути домой она устроила «целый ливень» слез прямо в трамвае, а когда сослуживцы заметили кровь на ее руках, стала бормотать: «Это не моя кровь, это его кровь: я его убила!». Разумеется, она «несла вздор», ибо на коже Сабина остались следы ногтей. То была одна из многих «безрассудных» сцен, вызванных «смятением» и убедивших Сабину в том, что «нам придется расстаться». «В тот момент профессор Фрейд впервые показался мне ангелом-избавителем. Я посвятила [ему] стихотворение» (Carotenuto, 1980:97).

Сабина отказалась от своих первоначальных намерений и смирилась с тем, что разрыв неизбежен. Кроме того, ее «порадовало, что родители весьма спокойно восприняли эту историю. Я рассказала о том, как мы расстались, моей матери, а она пересказала все моему отцу, который ограничился одним замечанием: «Люди его обожествляют, а он самый обыкновенный человек. Я так рад, что он получил от нее затрещину!» (Carotenuto, 1980: 99).

Фрейд уже не мог прикрывать Юнга: «Теперь я прошу Вас не слишком сокрушаться и раскаиваться» (Переписка Фрейда и Юнга: 235). Но волноваться Фрейду не стоило, ибо у Юнга и в мыслях не было раскаиваться перед Сабиной:

«Дорогой профессор Фрейд,

после разрыва с ней я был уверен в ее мстительности и глубоко разочарован лишь тем, что последняя приобрела столь банальную форму... Она явилась ко мне домой, и в ходе вполне мирной беседы выяснилось, что никакие слухи обо мне она не распространяет... Она полностью избавилась от своего переноса и избежала рецидива (лишь разрыдалась после окончательной размолвки). Не поддаваясь бесполезным угрызням совести, я все же сожалею о своих прегрешениях, ибо большие надежды у моей бывшей пациентки возникли во многом по моей вине... Ошибочно полагая, будто попался на сексуальные уловки пациентки, я написал ее матери, что, будучи врачом, не намереваюсь потворствовать сексуальным желаниям ее дочери, и поэтому ей следует избавить меня от нее... С большой неохотой я решился исповедаться перед Вами, как перед своим духовником. И теперь осмелюсь просить Вас о большом одолжении: соблаговолите послать записку фройляйн Шпильрейн и заверить ее в том, что я обо всем Вам сообщил... что Вам и ей известно о моей «безупречной чести»... дабы ничто не помешало моей работе» (Переписка Фрейда и Юнга: 236; первое выделение курсивом – Юнга, второе – Ц.Л.).

Перед нами кавалер, который надеется, используя в качестве опоры Фрейда и мать своей бывшей пациентки, совершить невозможное: и на елку влезть, и не уколоться. Употребляя вычурное выражение «безупречная честь», Юнг поневоле утверждает обратное. Он признается, что имел неосторожность убедить Сабину в серьезности своих чувств, и тут же уклончиво именуется ее чувства переносом. Разница в том, что Сабину влекло к Юнгу, а его всегда влекло к

тайным любовным похождениям. Юнг «постоянно разрывался между двумя женщинами» (Carotenuto, 1980: 95) и, быть может, опасаясь того, что Блейлер прознает обо всем и осудит его за супружескую измену, он и отказался от должности в клинике Бургхольцли, перебрался в недавно построенный дом и приступил к частной практике в Кюснахте, сохранив семью и надежду на встречу с более сговорчивой любовницей. Вскоре Шпильрейн сменила другая пациентка и студентка еврейского происхождения, которая стала любовницей Юнга. Эту неофитку звали Антония (Тони) Вольф и, по словам Джона Х. Филлипса, который, будучи двадцатидолетним молодым человеком, проходил стажировку под началом Юнга в Цюрихе с 1951 по 1961 гг., Юнг тешил себя мыслью о женитьбе на Тони, но в конечном счете предложил ей внебрачную связь, с чем фрау Юнг пришлось, как обычно, смириться. Среды были закреплены за Тони, каникулы жена и любовница поделили между собой, а воскресными вечерами Тони приглашали на семейные обеды, и дети называли ее «тетей». Ознакомив читателей с фактами, подтверждающими истинность этих рассказов, Розенцвейг (Rosenzweig, 1994) выдвигает бесхитростную гипотезу. В третьей лекции под названием «Наблюдения за душевной жизнью ребенка», прочитанной в институте Кларка в 1909 году и посвященной случаю некой Анны, Юнг охарактеризовал невроз и сексуальную одержимость своей дочери Агатли, скопировав стиль фрейдовского доклада о Маленьком Гансе (Rosenzweig, 1994: 136-144); роман со Шпильрейн достиг кульминации в 1909 году, поэтому можно предположить, что образы дочери и любовницы совместились в воображении Юнга, и в результате переноса чувства тревоги, которую испытывала фрау Юнг, на образ дочери сложилось впечатление, будто ребенок перестал доверять родителям, и в особенности отцу (Rosenzweig, 1994: 147-149).

Юнг так никогда и не отблагодарил Фрейда за его искусное потворство. Как раз наоборот: Фрейд, который никогда не отличался умением разбираться в людях, наивно полагал, что Юнг «продолжит и завершит [его] дело, применив в области психозов то, что было начато в области неврозов». Фрейд пишет: «Учитывая твердость и независимость Вашего характера, Ваше германское происхождение, которое позволит Вам добиться расположения публики куда скорее, чем мне, Вы, наверняка, сможете лучше всех, кого я знаю, справиться с этой миссией» (Переписка Фрейда и Юнга: 168). Однако, вместо того, чтобы представить психоанализ в выгодном свете перед нееврейской публикой и избавить учение Фрейда от репутации еврейской науки, Юнг заявил в 1933 году: «Арийское бессознательное обладает большим потенциалом, чем еврейское... Это подозрение возникло в связи с Фрейдом... В понимании немецкой души он не мог посоперничать со своими последователями германского происхождения» (Lothane, 1995). Как уже отмечалось, для евреек Юнг делал исключение. Остается лишь гадать, как удалось Юнгу сохранить втайне подобные антисемитские настроения в те безмятежные дни, когда он восторгался Фрейдом.

Впрочем, время лечит любые раны. В 1911 году Шпильрейн завершила работу над своей диссертацией под присмотром Блейлера и руководством Юнга, который хлопотал о публикации этого блестящего и глубокомысленного очерка под названием «По поводу психологической подоплеки одного случая шизофрении» (Переписка Фрейда и Юнга: 426). В том же году Сабина Шпильрейн вступила в Венское психоаналитическое общество и в 1912 году представила на суд своих коллег вторую значительную статью «Разрушение как основа становления». В примечании на 55 странице работы «По ту сторону принципа удовольствия» Фрейд признал, что эта статья предвосхитила его теории первичного мазохизма и влечения к смерти. В 1912 году Сабина вышла замуж за русского еврея, врача Павла Шефтеля, а спустя год у нее родилась дочь Ирма-Рената (см. диссертацию Миндера).

Судя по письму Сабины, адресованному Фрейду, Шпильрейн и Юнг расстались друзьями. Послание Фрейду, написанное Сабиной в 1914 году, после разрыва, является красноречивым свидетельством того, что на протяжении многих лет она пыталась примирить Юнга и Фрейда:

«Я осуждаю его отношение к Вам, профессор Фрейд, и его отношение к обществу... и еще менее расположена простить ему это, чем историю со мной. Мы виделись лишь один раз после моего замужества... Несмотря на все колебания Ю., он мне по душе, и я была бы рада

вернуть его в лоно нашей церкви. Вы, профессор Фрейд, и он даже не подозреваете, что принадлежите друг другу в большей степени, чем кажется» (Carotenuto, 1980: 112).

На страницах писем, адресованных Сабине в период между 1908 и 1919 гг. (Carotenuto, 1986) и опубликованных семьей Юнга вслед за первым изданием, подготовленным Каротенуто (Carotenuto, 1980), Юнг предстает перед читателями в облике более нежного и внимательного человека. «Сможете ли Вы простить меня за то, что я такой, каков я есть? – пишет Юнг в 1908 году. – Сможете ли Вы навсегда отказаться от желания отомстить мне за все, на словах, в мыслях и в душе?» Он пытается объяснить, что толкает его на поиски идеала за пределами законного брака, узы которого он не в силах расторгнуть: «Я ищу человека, который умеет любить, не упрекая, не ограничивая и не иссушая другого... для которого любовь – цель, а не средство. Моя беда в том, что я не могу жить без ощущения счастья от любви, равно изменчивого и бурного. Этот демон вволю потешается над моим состраданием и моей чувствительностью» (Carotenuto, 1986: 195-196). Спустя два года он бурно выражает восторг, испытанный им при чтении первых страниц чернового наброска описания случая из практики Сабины Шпильрейн. Летом 1911 года Юнг ознакомился с наброском другой ее статьи, посвященной разрушению и становлению: «Вы мыслите смело, широко и философски... Будем надеяться, что дедушка Фрейд насладится этим плодом Вашего ума так же, как я» (Carotenuto, 1986: 199-200). На излете того же года, сожалея о том, что Сабина не смогла посетить конгресс в Веймаре, на котором Фрейд огласил свои комментарии к анализу истории Шребера, и участники которого получили экземпляры статьи Шпильрейн, Юнг писал: «Я исторг всю горечь из своего сердца... Я уверен, что Фрейд примет Вас. Он не раз упомянул о Вашей диссертации, лучшего и желать невозможно. Вам не нужна моя рекомендация. Ступайте к этому великому мастеру и равви, и, уверяю Вас, все получится» (Carotenuto, 1986: 210-202). В конце года он отметил: «Фрейд очень хорошо отзывался о Вас в разговоре со мной» (Carotenuto, 1986: 205). Юнг открыто признавал, что многим обязан идеям Шпильрейн: «Во второй части своей работы [«Символов и трансформации либидо» – квинтэссенции антифрейдовской полемики Юнга]... я часто ссылаюсь на Вашу статью. Хотелось бы так же обойтись с Вашей следующей статьей» (Carotenuto, 1986: 203). По поводу статьи Шпильрейн «Разрушение как основа становления» Юнг писал:

«Мой дорогой друг,

читая Вашу статью, я обнаружил в ней много перекличек с моим собственным трудом... Ваша статья будет опубликована в «Ежегоднике психоаналитических и психопатологических исследований» [под ред. Юнга] перед моей... Таким образом я не просто хочу сделать Вам комплимент. Эта необыкновенно умная статья содержит великолепные мысли, первенство которых я охотно признаю... Никто не должен думать, будто Вы заимствуете мои мысли. Оснований для этого нет... Возможно, я сам заимствую кое-что у Вас; верно, я ненароком впитал в себя частицу Вашей души, а Вы — моей. Все зависит от того, как с ней обходишься. Вы обошлись с ней превосходно. Меня радует, что Вы стали моим представителем в Вене. Надеюсь, Вам удастся отстоять и мой новый подход» (Carotenuto, 1986: 206-207; 208; курсив – Юнга).

Все это свидетельствует о том, что тяжба между Шпильрейн и Юнгом, невольным участником которой оказался и Фрейд, не нанесла никакого ущерба отношениям Фрейда и Юнга, а сама Сабина надолго сохранила дружескую и интеллектуальную связь с обоими мужчинами.

Диссертация Шпильрейн, написанная под руководством Юнга, стала вехой в истории психоанализа. Шпильрейн создала амальгаму из психоаналитических знаний и мифологических откровений, дабы истолковать галлюцинации своего пациента, страдающего шизофренией, и попутно поделилась с читателями своими соображениями по поводу случая Шребера. Эта работа упрочила ее репутацию самостоятельного мыслителя и *femme inspiratrice* Юнга... Скорее всего, ее статьи вдохновили и других психоаналитиков, сотрудников клиники Бургхольцли, в частности Нелькен (Переписка Фрейда и Юнга: 494) и Гребельскую (Переписка Фрейда и Юнга: 541), чьи работы о пациентах, страдающих шизофренией, написаны в том же

духе, а впоследствии повлияли на Иду Макальпин, которая истолковала случай Шребера со ссылкой на мифологические мотивы и перевела на английский язык «Мемуары» Шребера (Schreber, 1903), хотя в ее текстах не отыщется фамилия Шпильрейн.

On revient toujours

A ses premiers amours.

Рассмотрим реальные и этические аспекты адюльтера с участием Юнга и юной Шпильрейн – этого извечного мотива в жизни и искусстве. Возможно, Шпильрейн была коварной соблазнительницей, Юнг был мужланом, а Фрейд — снисходительным заговорщиком? Быть может, Шпильрейн исполнила свою роль чисто, под стать своей фамилии¹⁰, и пала жертвой безжалостного Юнга, а двое мужчин вели грязную игру точно так, как утверждали Беттельгейм (Carotenuto, 1980) и Кремериус (Carotenuto, 1986), как полагал прежде и я сам (Lothan, 1987a)? Теперь я в этом уже не уверен. В целом отношения Юнга и Шпильрейн, представлявшие собой нечто среднее между «терапией» в неформальной обстановке, практикой и романом, следует оценивать не по семенам, а по плодам, то есть учитывать не перенос Сабины и контрперенос Юнга, а благо, дарованное обоим. Едва ли резонно рассматривать эти отношения сквозь призму патологии, ибо речь идет о проблемах, связанных с представлениями об институте брака и системой двойных стандартов. Курс стационарного лечения Сабины Шпильрейн завершился в 1905 году, когда ей исполнилось двадцать лет, а тридцатилетний Юнг уже был отцом Агаты.

Отношения, которые сложились между Юнгом и Шпильрейн после того, как Сабину выписали из клиники, никак не назовешь терапией, поскольку Шпильрейн не оплачивала услуги Юнга и считала себя бывшей пациенткой, чему вторил сам Юнг. Похоже, эта «терапия» служила прикрытием для супружеской измены, которое было необходимо только женатому Юнгу, поскольку слухи об адюльтере угрожали его профессиональной репутации. Пытаясь оправдаться перед собой и перед Фрейдом, Юнг именовал эту тайную аферу терапией, намеренно путая реальность с переносом. Однако к тому времени Сабина уже избавилась от переноса. Она и впрямь была той самой «другой женщиной», которая надеялась, что ради нее Юнг оставит свою жену и подарит ей сына. Окончательно убедившись в безнадежности этих прожектов, она под давлением своей матери и самого Юнга нашла в себе силы для того, чтобы взглянуть правде в лицо, и поставила точку в этой любовной истории, не поднимая шума. Они расстались, и каждый пошел своим путем; он сошелся с Тони Вольф, Сабина вышла замуж, скорее всего не по любви, как и ее мать, и вскоре произвела на свет девочку, которую нарекла Ренатой, что означает «возрожденная». Они продолжали заниматься психоаналитической и исследовательской деятельностью. Шпильрейн удалось избежать серьезного душевного кризиса, который постиг Юнга после мимолетного погружения в состояние, близкое к психозу, описанное им самим (Jung, 1989).

Треугольник, вершинами которого были Шпильрейн, Юнг и Фрейд, не имеет никакого отношения к вышесказанному. В дневниковых заметках и письмах Сабины не сыскать не единого намека на то, что она причинила какой бы то ни было вред дружбе Юнга и Фрейда, поскольку их волновали совсем другие проблемы: личные конфликты эротического характера; претензии на первенство; разногласия по поводу метода и теории, о которых красноречиво свидетельствуют их расхождения при анализе случая Шребера. Кроме того, личная сексуальная жизнь Фрейда в пору «мужского климакса» вступила в полосу мертвого штиля, между тем как Юнг с прежней энергией изменял жене. В глубине души и тот и другой сталкивались с конфликтами гомосексуального толка. Фрейд этого не скрывал и терпимо относился к гомосексуальности, Юнг пытался изжить подобные чувства и на склоне лет проникся гомофобией (по словам Д. Х. Филлипса). Впрочем, сексуальные утехи в процессе терапии Фрейд всегда считал недопустимыми, ибо полагал, что речь идет не о контрпереносе, а скорее о дурном и безнравственном поведении (Lothane, 1981). Эти подробности биографии Юнга и Фрейда необходимы для того, чтобы понять сущность их научных и идеологических представлений.

Ссора между Фрейдом и Юнгом вспыхнула как солома, на которую посыпались искры их политических амбиций, высеченные в ходе борьбы за лидерство, поскольку Юнг, следом за Адлером, не удовольствовался ролью последователя Фрейда, что сказалось на дальнейшем развитии фрейдовского психоанализа, адлерианской индивидуальной психологии и юнгианской аналитической психологии. Эти психологические системы явились идеологическим выражением убеждений Фрейда, Адлера и Юнга, а их политическим выражением стали фрейдистская, адлерианская и юнгианская школы, две первые из которых сохранили былое значение по обе стороны Атлантики. Судя по письму, которое Шпильрейн отправила Юнгу в июне 1918 года, она усматривала в этих конфликтах нечто большее, чем столкновение догматов.

«Скорее всего, Фрейд никогда не поймет Вас, если Вы будете выдвигать новые теории. В свое время Фрейд совершил столько необыкновенного... С другой стороны, Вы... могли бы прекрасно понять Фрейда, если бы только пожелали, т. е. не поддавались бы сугубо личным чувствам. Фрейдовские теории были, есть и останутся необыкновенно плодотворными. Упрекать Фрейда в однобокости, на мой взгляд, более чем неблагородно, ибо любой из нас, и в особенности тот, кто создает целые миры, поначалу кажется королем, а затем, когда его пресыщенные подданные желают выбраться из сферы его влияния, его начинают осуждать за однобокость и выказывать свое отвращение» (Carotenuto, 1980: 85).

Подобно Филлипсу (Phillips, 1962), Шпильрейн могла бы добавить, что полемика, которая разгорелась между Фрейдом и Юнгом, была тщетной: мышление нельзя назвать только каузальным или только телеологическим, исключительно регрессивным или исключительно перспективным, ибо оно многогранно и разом выполняет реактивную и проактивную, аналитическую и синтетическую функции.

В основе терапевтического метода Фрейда лежит принцип редукции, анализа психики, который можно уподобить ретроспективному процессу химического разложения патогенных воспоминаний, фантазий и конфликтов, позволяющего индивиду наметить маршрут своего дальнейшего интеллектуального и духовного развития без оглядки на прошлое. Но Юнг еще в 1909 году убеждал Фрейда: «Если существует “психоанализ”, то необходим и “психосинтез”, созидающий будущее по тем же законам... нужна... перспективная тенденция» (Переписка Фрейда и Юнга: 216-217). Проницательный Фрейд «покачал своей мудрой седой головой при появлении идеи психосинтеза», поскольку Юнг намеревался совершить обратное превращение революционной методологии психоанализа, позволяющей понять сущность мифологии, фольклора и сказок, в новую пагубную мифологию с культом архетипических видений и вечными поисками мандал, философского камня алхимиков, бога в виде магических формул (Jung, 1989); одним словом, метод подменялся посланием.

Учитывая то обстоятельство, что у Юнга и Фрейда были разные претензии, темперамент и убеждения, трагический конфликт между ними не мог не разразиться. Но под конец любой идеологической войны, когда отпразднованы все победы и оплаканы все поражения, противники возвращаются к истокам, к методу психоаналитического диалога, который Анна О., положившая начало генеалогии истериков, нарекла «лечение разговором». Фрейд и Юнг сразу сошлись во мнениях по поводу одной особенности этого метода. «Можно сказать, что, по существу, исцеление происходит благодаря любви... и переносу», – отмечал Фрейд в своем четвертом письме Юнгу (Переписка Фрейда и Юнга: 12-13). Однако понятие переноса, который трактовался в контексте отвлеченной теории как «фиксация на либидо, господствующем в области бессознательного» (Переписка Фрейда и Юнга: 12), не имело ничего общего с удовлетворением физических сексуальных потребностей пациента. Скорее речь шла о любви в широком смысле этого слова (Lothane, 1987b, 1989b, 199b), о тех пылких и страстных порывах, что превращают существование в настоящую жизнь, ибо именно эти чувства подвигли первых аналитиков на поиски истины и проникнутые любовью труды ради пациентов, будущих учеников и самих себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Freud Abraham Letters (1907-1926). A psychoanalytic dialogue: the letters of Sigmund Freud and Karl Abraham. Abraham, H. C. & Freud, E. L., eds. New York: Basic, 1965.
2. Carotenuto, A. (1980). A secret symmetry Sabina Spielrein between Jung and Freud. New York: Pantheon, 1984.
3. Carotenuto, A. (1986). Tagebuch einer heimlichen Symmetrie / Sabina Spielrein zwischen Jung und Freud. Feiburg: Kore.
4. Freud, S. (1895). Studies on hysteria. London: Hogarth Press, SE2, 1966.
5. Freud, S. (1908). Character and anal erotism. London: Hogarth Press, SE9:169-175, 1966.
6. Jung, C. G. (1908). The Freudian theory of hysteria. In: Collected Works, London: Routledge, 4:10-24, 1961.
7. Jung, C. G. (1989). Memories, dreams, reflections. Jaffe, A. ed. New York: Vintage.
8. Gross, O. (1902). Cerebrale Secundarfunction. Leipzig: Vogel, 1902.
9. Gross, O. (1904). Ueber Bewusstseinszerfall. Monatschr Psychiat Neurol, 15:45-51.
10. Gross, O. (1907). Das Freud'sche Ideogenitätsmoment und seine Bedeutung im manisch-depressiven Irresein Kraepelins. Leipzig: Vogel.
11. Gross, O. (1914). Über Destruktionssymbolik. Zentralblatt Psychoanal Psyther, 4:521-534.
12. Kerr, J. (1993). A most dangerous method. The story of Jung, Freud, and Sabina Spielrein. New York: Knopf.
13. Lothane, Z. (1981). Listening with the third ear as an instrument in psychoanalysis, Psychoanal Rev, 68:487-503.
14. Lothane, Z. (1987a). Love, seduction, and trauma. Psychoanal rev, 74:83-105.
15. Lothane, Z. (1987b). The primacy of love: love ethics versus hermeneutics. Academy Forum (The American Academy of Psychoanalysis), 31(1):3-4.
16. Lothane, Z. (1989a). Schreber, Freud, Flechsig and Weber revisited: an inquiry into methods of interpretation. Psychoanal Rev, 79:203-262.
17. Lothane, Z. (1989b). The nature of love. Academy Forum, 1989; 33(1,2): 2, 11.
18. Lothane, Z. (1992). In defense of Schreber: soul murder and psychiatry. Hillsdale, NJ: The Analytic Press.
19. Lothane, Z. (1995). Letter to the Editor. Psychoanal books, 6:485-488.
20. Lothane, Z. (1997a). The schism between Freud and Jung over Schreber: its implications for method and doctrine. Internat rev psychoanal., in press.
21. Lothane, Z. (1997b). Freud and the interpersonal. Internat Forum Psa, in press.
22. Freud/Jung Letters, The (1906-1914). McGuire, W. ed. Princeton: Princeton University Press, 1974.
23. Minder, B. (no date). Sabina Spielrein Jungs Patientin am Burghoelzli. Zurich: Inaugural-Disseration.
24. Minder, B. (1994). Sabina Spielrein, Jungs Patientin am Burgholzli. Luzifer-Amor, 14:55-127.
25. Ovtcharenko, V. I. (1992). Sud'ba Sabiny Shpil'rein. Ross psikhanal vestnik, 2:64-69.
26. Ovtcharenko, V. I. (1995). Le destin de Sabina Spielrein. L'evol psych, 60:115-122.
27. Phillips, J. H. Psychoanalyse und Symbolik. Bern: Huber, 1962.
28. Rosenzweig, S. (1994). The historic expedition to America (1909): Freud, Jung and Hall the king-maker. St. Louis, MO: Rana House.
29. Schreber, DP. (1903). Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken. Leipzig: Mutze. Macalpine, I & Hunter, RA, trans. eds. Memoirs of my nervous illness. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.
30. Thompson, N. (1996). Review of Kerr's A Most Dangerous Method. Psychoanal q, 64:644-649.
31. Weitzmann, C. (1949). Trial and error. New York: Harper, 1949.